

© 2014 г.

Д.В. ЛИХАРЕВ, Е.С. СИМОНЕНКО

ВСТУПЛЕНИЕ КАНАДЫ В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

4 августа 1914 г. Канада как составная часть Британской империи вступила в Первую мировую войну на стороне Антанты. В современной отечественной историографии сюжет об участии североамериканского доминиона в “Великой войне” редко становился предметом специальных исследований. В течение последних 20 лет российских историков-канадоведов больше волновали вопросы политической трансформации статуса доминиона в составе Британской империи и его вхождение в систему международных отношений, нежели история участия в войне. Напротив, в западной историографии интерес к этой тематике никогда не ослабевал. Только в последние годы появился ряд исследований, посвященный различным вопросам военно-политического участия Канады в войне¹. Чтобы реконструировать целостную картину вступления Канады в войну, необходимо оценить, с одной стороны, официальную позицию, занятую правительством и парламентом, с другой, представления общественности и прессы по вопросу участия в войне в период с 4 августа по 3 октября 1914 г., т.е. с момента присоединения страны к британской декларации об объявлении войны до отправки в Европу первого канадского контингента.

ПЕРВЫЕ ШАГИ КАНАДСКОГО РУКОВОДСТВА ПОСЛЕ ВСТУПЛЕНИЯ В ВОЙНУ

Канада, как ключевая страна Британской империи, вступила в войну после того, как истек срок английского ультиматума и премьер-министр Великобритании Г.Г. Асквит объявил войну Германии. Для старейшего доминиона Британской империи события на Европейском континенте не стали неожиданностью, хотя в канадской прессе преобладало мнение, что война началась внезапно, и у государственных деятелей метрополии и доминиона не было времени разработать общий план действий. Такое суждение, например, можно было встретить на страницах августовского выпуска одного из самых влиятельных изданий канадских либералов “Торонто Глоуб” и ряда других печатных органов².

Между тем благодаря постоянной связи, которую поддерживал канадский премьер-министр Р. Борден с британским правительством через Верховного комиссара Дж. Перли, представлявшего интересы доминиона в Лондоне, канадская политичес-

Лихарев Дмитрий Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета.

Симоненко Екатерина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета.

¹ *Freeman B., Nielsen R.* Far from Home: Canadians in the First World War. Whitby, 1999; *Canada and the Great War: Western Front Association Papers.* Montreal, 2003; *Canada and the First World War: Essays in Honor of Robert Craig Brown.* Toronto, 2005; *Morton D.* The Headlines of August 1914: the Great War Comes to Canada. – Policy Options. February 2005; *The Canadian Way of War: Serving the National Interest.* Toronto, 2006.

² *Hopkins J.C.* The Canadian Annual Review of Public Affairs. War Series, 1914. Toronto, 1918, p. 168.

кая элита была хорошо осведомлена о событиях, происходивших в Европе³. После консультаций с британскими коллегами у главы канадского кабинета сформировалась уверенность, что в предстоящей войне доминион должен принять активное участие. Поэтому в конце июля 1914 г., на завершающей стадии дипломатических переговоров между великими державами, премьер публично озвучил намерение канадского правительства безоговорочно поддержать все усилия метрополии в предстоящей войне. Руководством к действию стало высказывание бывшего премьера-либерала У. Лорье: когда империя в войне, Канада тоже должна воевать⁴. Таким образом, “работа, проделанная им в предыдущие годы, принесла свои плоды: Канада стала единственным из доминионов, подтвердившим королевскую прокламацию об объявлении войны”⁵.

1 августа 1914 г. генерал-губернатор Канады герцог Коннаутский направил министру по делам колоний две депеши, в которых предложил предоставить в распоряжение метрополии канадский воинский контингент. В первой телеграмме затрагивался вопрос о статусе таких колониальных отрядов. В разделе № 69 канадского закона “О милиции” говорилось, что жители доминиона не могли служить за его пределами без санкции канадского парламента. Генерал-губернатор предложил пойти на компромисс и считать всех канадцев, отправляющихся на службу за границу, британскими солдатами, но экипировать, обучать и содержать их за счет канадского правительства. Во второй телеграмме содержались уверения в том, что Канада единодушна в своем решении “гарантировать целостность и сохранить честь империи”⁶. Таким образом, губернаторские послания демонстрировали готовность канадского истеблишмента безоговорочно присоединиться к метрополии в предстоящем “конфликте века”. Спустя сутки Р. Борден вновь отправил в Лондон запрос относительно своих дальнейших действий и ожидал соответствующих предложений, не скрывая, однако, что ему очень импонирует предложение генерал-губернатора, высказанное днем ранее.

4 августа 1914 г. министр по делам колоний предупредил Канаду, что все юридические формальности, санкционирующие участие зависимых владений короны в войне, урегулированы. Он также заметил, что нет необходимости спешно отправлять экспедиционные силы из Канады в Европу, благоразумнее было бы предпринять шаги для урегулирования вопроса отправки колониальных контингентов за границу на законодательном уровне⁷. В тот же день секретарь вручил Р. Бордену телеграмму из Лондона, в которой сообщалось о том, что Великобритания объявила войну Германии⁸. Вслед за военной декларацией король отправил канадцам официальную благодарность за проявленную лояльность⁹. Вступление Англии в войну изменило отношение британского руководства к вопросу немедленной отправки канадских войск на британские острова. 6 августа 1914 г. министр по делам колоний телеграфировал в Оттаву о том, что король принимает канадское предложение помощи и местному правительству следует как можно скорее сформировать и отправить в Англию экспедиционные силы¹⁰. На следующий день канадские министры, исходя из пожеланий британского Армейского совета, постановили послать в Европу одну дивизию общей численностью 22,5 тыс. чел.¹¹ Работа по подготовке воинского контингента была поручена министру милиции и обороны С. Хьюзу.

³ Documents Relative to the European War Comprising Orders in Council, Cablegrams, Correspondence, and Speeches Delivered in Imperial House of Commons. Ottawa, 1914, p. 49–59.

⁴ Freeman B., Nielsen R. Op. cit, p. 2.

⁵ Грудзинский В.В. На повороте судьбы: Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.). Челябинск, 1996, с. 224.

⁶ Documents Relative to the European War, p. 41.

⁷ Documents of Canadian External Relations, v. I: 1909–1918. Ottawa, 1967, p. 39.

⁸ The Bassano Mail, 6.VIII. 1914.

⁹ Documents of Canadian External Relations, p. 39.

¹⁰ Ibid., p. 41.

¹¹ Armstrong E. The Crisis of Quebec, 1914–1918. Montreal, 1974, p. 55.

Будучи сторонником активного участия в войне, министр еще в последний день июля спешно созвал заседание Милицейского совета, где было принято решение сформировать канадский добровольческий контингент численностью 20 тыс. человек¹². Он объявил, что на службу могут поступить физически годные и умеющие стрелять мужчины в возрасте от 18 до 45 лет. Кроме того, кандидаты, желающие поступить на службу, должны были удовлетворять определенным физическим характеристикам: рост не ниже пяти футов и трех дюймов, размер грудной клетки не менее 33,5 дюймов. С. Хьюз заявил, что не позволит вербовать в армию тех мужчин, чьи матери или жены направят в департамент милиции письменный протест. По утверждениям канадских газет, при формировании первой канадской дивизии огромное количество добровольцев было вычеркнуто из списков именно по этой причине¹³. По инициативе министра запись добровольцев началась за день до официального объявления войны, а как только истек срок британского ультиматума Германии, в Лондон была направлена телеграмма: “Канада от Тихого океана до Атлантики единодушна в своей решимости поддержать честь и традиции империи”¹⁴.

В тот же день в экстренном выпуске “Канада газетт” появилось сообщение, что метрополия вызывает из запаса Королевский военно-морской резерв и что канадцы, которые числятся в нем, должны прибыть для прохождения службы¹⁵. Тогда же британские власти предупредили Канаду о возможном присутствии немецких крейсеров в североамериканских водах. Узнав об этом, премьер Британской Колумбии Р. Макбрайд поспешил заключить договор о приобретении двух субмарин, построенных в Сиэтле для чилийского правительства¹⁶. Судовые экипажи для подлодок были сформированы из канадских офицеров и моряков. Помимо этого правительство пригласило на службу двух офицеров Королевского флота в отставке, имеющих опыт плавания на субмаринах. Сразу после приобретения и укомплектования личным составом обе подводные лодки были переданы в распоряжение британского Адмиралтейства¹⁷.

После того как было принято официальное решение об отправке солдат в Европу, министр милиции и обороны действовал быстро и достаточно эффективно. “Полковник Сэм Хьюз, – по свидетельствам современников, – проявлял прыть: он организовывал, работал, разъезжал, говорил”. Он отправил командирам милицейских частей в общей сложности 296 телеграмм с призывом вербовать рекрутов¹⁸. Либеральные издания подвергли энергичную деятельность министра острой критике. В разгар вербовочной кампании “Торонто Глоуб” высказала предположение, что усилия министра могут оказаться бесплодными по причине того, что в стране не было достаточного количества обученных офицеров и воинского снаряжения, чтобы сформировать экспедиционный корпус из 20 тыс. человек. Эта “догадка” имела под собой веские основания. Незадолго до публикации в руки репортеров попала официальная депеша из Оттавы, содержащая аналогичное предположение¹⁹.

Вскоре стало очевидно, что такие утверждения не имеют под собой серьезных оснований. Подхваченные волной небывалого имперского патриотизма, тысячи добровольцев, в том числе служащие в канадской милиции офицеры и солдаты, засыпали департамент Хьюза предложениями о поступлении на службу в экспедиционный корпус. Канадские промышленники спешно наладили производство экипировки, снаряжения, патронов и бронебойных снарядов. Ближе к середине августа 20 выпускников Коро-

¹² Ibid., p. 54.

¹³ Canada and the First World War: Essays in Honor of Robert Craig Brown. Toronto, 2005, p. 38–39.

¹⁴ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары, т. IV. М., 1935, с. 23.

¹⁵ Documents Relative to the European War, p. 7.

¹⁶ Brown R.C. Robert Borden: a Biography, v. II. Toronto, 1978, p. 3–4.

¹⁷ Documents Relative to the European War, p. 46.

¹⁸ Freeman B., Nielsen R. Op. cit., p. 10.

¹⁹ Hopkins J.C. The Canadian Annual Review of Public Affairs, p. 144.

левского военного колледжа в Кингстоне получили назначения в имперскую армию. Г. Гонт, миллионер из Монреаля, предложил сформировать из британских резервистов и бывших солдат канадский батальон и назвать его в честь дочери губернатора. Менее месяца понадобилось вербовщикам, чтобы укомплектовать подразделение, получившее название “батальон легкой пехоты принцессы Патриции”²⁰. Все это позволило уже к концу августа 1914 г. закончить работу по формированию основы контингента и отправить добровольцев в тренировочный лагерь для прохождения военного обучения.

Офицерский и личный состав первых канадских добровольческих формирований оказался достаточно предсказуемым. С самого начала вербовочной кампании естественный интерес к поступлению на службу проявили британские подданные, родившиеся в Соединенном Королевстве, но постоянно проживавшие в Канаде, а также лица, родившиеся в североамериканском доминионе от родителей британского происхождения в первом и последующих поколениях. Наконец, среди добровольцев можно было встретить британских подданных французского происхождения из Квебека и других провинций, родившихся в Канаде²¹. Работу по формированию первого контингента “взвалили” себе на плечи канадцы, которые находились на действительной службе в канадской милиции либо имели к ней отношение в молодости. В первых рядах добровольцев также оказались ветераны англо-бурской войны и других локальных имперских конфликтов. Очевидцы вспоминали, что милиционеры и ветераны, сопровождаемые звуком сигнальных труб и барабанным боем, маршировали по улицам городов, пытаясь стимулировать военный дух населения.

Исключительное значение для обеспечения настоящего единства имело отношение к действиям правительства со стороны возглавляемых У. Лорье либералов. Оппозиция одобрила вступление империи в войну и готовность консервативного кабинета отправить в Европу экспедиционный корпус²², хотя в глубине души старый либеральный вождь до последнего надеялся, что усилия Э. Грэя, направленные на то, чтобы убедить континентальные державы сохранить мир, будут успешными. Лидер либералов прибыл в Оттаву 11 августа и сразу же сделал официальное заявление о начале перемирия в “партийных распрях”. Следуя его распоряжению, центральный информационный офис либеральной партии отказался публиковать материалы, которые могли дискредитировать действующее правительство. В результате августовский и сентябрьский выпуски “Канадиан Либерал Мансли” были посвящены исследованиям причин войны и степени канадской ответственности в текущем военном конфликте²³. Таким образом, все партийные комментарии в адрес оппонентов-консерваторов были отложены до окончания войны.

13 августа 1914 г. Министерство по делам колоний направило правительству доминиона телеграмму с запросом о сроках отправки канадской дивизии в Европу. При этом британская сторона гарантировала транспортировку солдат за свой счет на кораблях Королевского флота. Спустя неделю министр С. Хьюз телеграфировал в Лондон сообщение о том, что 25 тыс. канадских солдат будут готовы пересечь Атлантику до конца сентября²⁴.

В последующие дни и недели работа по созданию канадской дивизии для заграничной службы шла полным ходом. В окрестностях Квебека в рекордно короткие сроки был построен военно-тренировочный лагерь “Валкартье”, который вместил в себя целый комплекс построек административного и бытового назначения, казармы, воен-

²⁰ *Morton D. Op. cit.*, p. 110.

²¹ *Hopkins J.C. Canada at War: a Record of Heroism and Achievement, 1914–1918. Toronto, 1919*, p. 268.

²² *Грудзинский В.В. Указ. соч.*, с. 224.

²³ *Hopkins J.C. The Canadian Annual Review of Public Affairs*, p. 141–142.

²⁴ *Canada in the Great World War. An Authentic Account of the Military History of Canada from the Earliest Day to the Close of the War of the Nations*, v. 2. Toronto, 1918, p. 53–54.

ные склады и другие объекты инфраструктуры. В лагере были проведены освещение и отопление, была создана полноценная система водоснабжения с функцией очистки хлором и канализация²⁵. По плану лагерь вмещал порядка 35 тыс. солдат, и спустя три недели после начала строительства каждый день туда стали прибывать сотни добровольцев со всех частей страны для прохождения обучения. Желаящие защищать честь империи были столь многочисленны, что к концу августа удалось набрать больше людей, чем было запланировано. Вдобавок тысячи добровольцев ожидали, когда они смогут сменить солдат первого контингента, после того, как те будут отправлены за границу²⁶. Наконец, 3 октября, потратив 20 млн долларов на обучение и экипировку солдат, правительство отправило первый контингент численностью 32 тыс. 665 чел.²⁷ по реке Св. Лаврентия в море, откуда корабли британского флота конвоировали их до английских берегов.

Но до того как канадские отряды были отправлены на Европейский континент, решение правительства должен был подтвердить парламент, для чего 18 августа 1914 г. он собрался на свою первую в истории военную сессию. В тронной речи, обращенной к парламентариям, генерал-губернатор, одетый в полевую военную форму, призвал Канаду принять все возможные меры для обороны Отечества и сохранения целостности империи²⁸. Вслед за губернатором в Палате общин выступил премьер-министр. В своей речи он дал аналитический обзор причин войны, оценил позицию британской стороны, кратко перечислил правительственные мероприятия в сложные дни до и после 4 августа, познакомил присутствующих с официальной корреспонденцией имперского правительства. Борден особо подчеркнул, что канадцы, идущие на фронт, должны чувствовать себя “свободными людьми свободной страны”, ведь они добровольно, без всякого принуждения приняли решение защищать честь империи²⁹.

Лидер оппозиции выразил полную солидарность с главой правительства в этом вопросе. К началу военной сессии парламента он окончательно определился в своих взглядах и объявил, что будет придерживаться концепции добровольного участия Канады в войне, о чем неоднократно заявлял еще в бытность премьером. Лорье также подчеркнул, что вслед за парламентом рассматривает конфликт с Германией как “священную войну”, на которую Канада должна направить все свои ресурсы “до последнего солдата и последнего доллара”. Выступая в Палате общин, он подтвердил курс на поддержание партийного мира и содействие правительству. Официально он ничего не сказал о создании партийной коалиции, хотя такая возможность подразумевалась, ибо либералы были готовы пойти на объединение³⁰.

Демонстрация внутреннего мира носила временный характер. На первых порах обе партии старались активно изображать единство и крайнюю степень лояльности в надежде на взаимное соглашение. Но когда первая горячка войны спала, в среде канадского истеблишмента наметились видимые расхождения. Консерваторы стали настаивать на необходимости вернуться к военно-морской дискуссии 1912 г. об ассигновании средств на строительство дредноутов для Королевского флота. Большая часть либералов расценила намерения своих политических оппонентов как прямое проявление милитаризма. В середине сентября в Торонто Лорье произнес речь, где отметил, что в результате войны нации должны отойти от милитаризма и конскрипции. Вслед за своим идейным лидером члены парламентской оппозиции единодушно высказались против прямого военного участия Канады в коллективной обороне империи. Выступая в Палате общин, либеральные ораторы неоднократно акцентировали внимание на том, что “у Британии в избытке людей, денег и кораблей”, поэтому метрополии следует

²⁵ Ibid., p. 56.

²⁶ The Bassano Mail, 10.IX. 1914.

²⁷ The Canadians, 1867–1967. Toronto, 1967, p. 178.

²⁸ Canada in the Great World War, p. 27.

²⁹ Brown R.C. Op. cit., p. 9.

³⁰ Skelton O.D. Life and Letters of Sir Wilfred Laurier, v. II. Toronto, 1921, p. 432–434.

надеяться не на свои автономные владения, а на союзников в Европе. Единственным уязвимым местом, по мнению либералов, оставалось снабжение британских островов продовольствием³¹. Поэтому вместо отправки в Европу солдат Канаде следует обеспечить оптимальные условия для производства провианта и отправки его за границу. Принимая во внимание, что безопасность океанских маршрутов обеспечивал Королевский флот, доминиону, по их мнению, достаточно было гарантировать безопасность торговых судов в канадских территориальных водах.

21 августа 1914 г., в последний день сессии, когда Борден внес на рассмотрение Палаты общин билль о выделении 50 млн канадских долларов на военные цели, парламентарии единодушно одобрили требуемые военные ассигнования. Эти деньги правительство рассчитывало направить на содержание местных милицейских формирований, которым в ходе войны надлежало обеспечивать безопасность всего сухопутного пространства страны. Кроме того, за счет этих средств планировалось формировать, обучать и содержать национальные экспедиционные силы призывников-добровольцев³², а также проводить военные и морские операции в пределах и за пределами доминиона. Часть суммы планировалось направить на производство военной техники и снаряжения, что предполагало частичный перевод гражданских предприятий на выпуск военной продукции. По подсчетам премьера к 31 марта 1915 г. Канада должна была потратить на военные цели не менее 30 млн долл., остальные 20 млн долл. правительство намеревалось направить на послевоенную реконструкцию³³.

Оценивая результаты работы парламентариев в ходе первой военной сессии, следует отметить их редкое единодушие. Депутатам понадобилось около пяти дней, чтобы не только официально подтвердить британскую декларацию об объявлении войны, но и решить вопрос об объемах канадской помощи союзникам. Однако не стоит забывать, что работа по комплектованию воинских формирований добровольцами началась еще за две недели до созыва парламента на федеральную сессию. Таким образом, решения Палаты общин носили формальный характер, а содержание проводимой политики определялось премьер-министром после консультации с имперскими властями.

РЕАКЦИЯ ПРЕССЫ И ОБЩЕСТВА НА ВСТУПЛЕНИЕ КАНАДЫ В ВОЙНУ

В последние дни июля 1914 г., когда новости о международном положении достигли Оттавы, началась кампания в прессе. В газетных публикациях центральной идеей стало представление о том, что мировая война несет опасность не только империи, но и цивилизации как таковой. В изданиях различной общественно-политической направленности констатировалось, что Германия забыла о своих традиционно высоких идеалах, отравлена пропагандой войны, а германские милитаристы оправдывали вооруженную борьбу как необходимую предпосылку национального развития. Борьба же со стороны союзников была представлена как нравственный крестовый поход против массовых убийств и грубого нарушения закона. На страницах газет активно публиковались избранные цитаты из произведений Ф. Ницше и генерала Ф. фон Бернарди, которые, по мнению канадских газетчиков, спровоцировали “раздувание огня милитаризма” в Германии. Повсеместно распространялось утверждение, что даже самые миролюбивые страны не должны остаться равнодушными к такому произволу. Наконец, использовались аргументы, что, отправив войска во Францию, Канада не только может защитить свою территорию и предупредить любую возможную атаку со стороны немцев, но и предотвратить их доминирование на Европейском континенте³⁴.

³¹ Hopkins J.C. The Canadian Annual Review of Public Affair, p. 141.

³² Борден пояснил, что на обучение, экипировку и содержание одного добровольца правительство тратит примерно по 1 тыс. канадских долл.

³³ Hopkins J.C. Canada at War: a Record of Heroism and Achievement, p. 50.

³⁴ Canada in the Great World War, p. 25.

Так формировалось общественное мнение доминиона и прививалась идея о том, что канадское участие в войне неизбежно.

В то же самое время в партийных изданиях началась активная дискуссия по вопросу возможных военных обязательств Канады. Консервативная пресса в целом поддерживала идею немедленной помощи метрополии, убеждая в том, что доминион должен проявить высшую степень лояльности к британским институтам и имперским связям. “Торонто Уорлд” объявила, что автономия готова отправить 50 тыс. солдат за границу, и еще 100 тыс. чел. держать в резерве на случай вражеского вторжения³⁵. “Галифакс Геральд” 1 августа напомнила читателям, что еще в декабре 1912 г. в своей “дредноутной речи” премьер-министр предупреждал о возможности грядущей войны³⁶. “Торонто Ньюс” 7 августа заявила, что совместное участие метрополии и доминиона в войне может способствовать имперской централизации: «Если в Берлине считают, что империя может “развалиться на куски” в ходе войны, они глубоко ошибаются. Если мы должны нести общие потери, почему бы нам для общей выгоды и безопасности не объединиться в имперскую федерацию?»³⁷.

Столичная и провинциальная либеральная пресса также была настроена абсолютно лояльно ко всем действиям правительства, хотя по сравнению с консервативными изданиями ее позиция была более умеренной. В периодической печати либерального толка широко тиражировался тезис, что борьба в Европе – это “борьба демократии против автократии, железных идеалов милитаризма против демократических идеалов универсального мира”³⁸. Либеральная “Торонто Глоуб” 18 мая 1914 г. призвала не поддаваться “атмосфере военной лихорадки”. Главной причиной всех войн она назвала существование регулярных армий, а для предотвращения военного конфликта призвала к разоружению наций. После объявления войны газета заявила, что решение Канады участвовать в войне является свободным и добровольным. Каждый индивид должен ответить на призыв национальной службы свободно, по совести и без принуждения³⁹. Однако спустя два месяца позиция издания претерпела существенные изменения. Сначала появилось заявление, что когда Англия вступила в войну, автономия не могла оставаться нейтральной, так как ее территории мог угрожать немецкий флот. Спустя еще месяц демонстрация лояльности и преданности империи достигла наивысшей точки. 26 августа 1914 г. “Торонто Глоуб” опубликовала призыв отправить на войну в пять раз больше солдат, чем намеревалось правительство (т.е. 100 тыс. чел.), а военный бюджет увеличить в два раза (до 100 млн долл.)⁴⁰. “Торонто Стар”, транслировавшая более умеренные либеральные взгляды, решительно заявила, что в случае большой европейской войны жители доминиона должны приложить все усилия, чтобы помочь Британии и правительству Бордена, даже если безопасность страны ничто не будет угрожать. Победа союзников для “Торонто Стар” означала безопасность, сокращение вооружений, поворот от милитаризма к мирным идеалам. В целом газета выступила за отправку канадского воинского контингента в два этапа: сначала 100 тыс., потом еще 50 тыс. чел.⁴¹ Интересно, что после таких высказываний она не раз открыто выражала свою антипатию “Торонто Глоуб” за ее откровенный милитаризм и джингоизм.

Провинциальная пресса Квебека за исключением изданий франкоканадских националистов единодушно поддержала правительственные усилия, направленные на участие в предстоящей войне. “Монреаль Стар” признавала, что критическое положение возникло на год раньше предполагаемого времени и у правительства не было времени должным образом подготовить общественное мнение к предстоящим событи-

³⁵ Toronto World, 4.VIII. 1914.

³⁶ Halifax Herald, 1.VIII. 1914.

³⁷ Toronto News, 7.VIII. 1914.

³⁸ Hopkins J.C. The Canadian Annual Review of Public Affairs, p. 138.

³⁹ Toronto Globe, 18.V. 1914.

⁴⁰ Toronto Globe, 26.VIII. 1914.

⁴¹ Toronto Star, 7.X. 1914.

ям. Поэтому большую роль в демилитаризации нации сыграли канадские пацифисты. Газета обвиняла противников милитаризации в том, что благодаря их миротворческой пропаганде Канада не была представлена в имперском флоте своими кораблями. Кроме того, именно пацифисты были виноваты в отсталости военной системы доминиона. Они наложили вето на строительство канадских dreadnoughtов, подвергли осмеянию канадскую милицию, стремились разогнать канадских курсантов, обвиняя их в милитаризме. “Если пацифисты не парализуют наши приготовления своими утверждениями, что не существует никакой угрозы, – резюмировало издание, – мы сможем сделать намного больше”⁴².

Общественные и политические деятели доминиона также не преминули высказать свои суждения по поводу участия в войне. На этой волне “Монреаль Стар” решила провести опрос общественного мнения, в ходе которого общественно-политические деятели доминиона, а также сенаторы и члены Палаты общин, мэры городов и полковые командиры могли на страницах газеты изложить свое особое мнение. Отклики, пришедшие в адрес редакции, публиковались с 1 по 5 августа 1914 г. Большинство политических и военных деятелей выступили за оказание немедленной помощи метрополии с привлечением для этого всех сил и ресурсов автономии. Из мэров 60-ти городов, приславших отзывы, только двое не поддержали идею немедленной помощи союзникам. Последние считали, что обязанность Канады должна ограничиться обороной собственной территории. Члены Палаты общин также единодушно поддержали идею оказания помощи, но только после соответствующего одобрения канадского парламента. Более того, некоторые сенаторы выразили сожаление, что правительство Бордена не стало строить корабли, которые были запланированы еще либеральным кабинетом Лорье. «Если бы придя к власти, консерваторы подтвердили действие “Акта о военно-морской службе” 1910 г., – говорили они, – у Канады к началу войны был бы маленький флот, состоящий из девяти кораблей. Она находилась бы в удобном положении, чтобы защищать свою страну и осуществлять поставки продовольствия на британские острова»⁴³.

До вступления в “Великую войну” Канада в течение 100 лет жила в мире, и ее участие в локальных конфликтах на стороне метрополии ограничивалось отправкой добровольцев в зоны боевых действий. В таких случаях позиция канадской общенности варьировалась от пацифизма и полного равнодушия до империализма воинствующего толка. В 1914 г. в общественности по вопросу участия в войне также наметились видимые расхождения.

Одним из направлений, получившим новый импульс в годы войны, была школа канадского пацифизма. Это политическое течение, осуждающее любые войны, пустило глубокие корни в североамериканском доминионе во многом благодаря геостратегическому положению и изоляции от Европы. С востока и запада страна была окружена океанами, и безопасность территории с этих сторон света обеспечивал британский флот. На севере она граничила с Арктикой, на юге с США, которые не представляли серьезной опасности благодаря традиционно дружественным отношениям. Таким образом, пацифисты полагали, что в случае потенциальной угрозы со стороны какой-либо европейской державы, Канада будет надежно защищена доктриной Монро и британским флотом. На пацифистов любые рассказы о войнах в Европе производили такое же впечатление, как повествование о крестовых походах на страницах учебников по истории. Условия, когда вооруженные силы находились в стесненных обстоятельствах, так как парламент часто урезал расходы на содержание милиции, полностью устраивали противников военных приготовлений. Мир для них стал почти религиозной догмой, и они выступали против проведения любых мероприятий на случай войны, а любые намерения властей в этом направлении квалифицировали как милитаризм. Такие ментальные установки не позволяли канадцам жертвовать своим комфортом,

⁴² Montreal Star, 5.VIII. 1914.

⁴³ Hopkins J.C. Canada at War: a Record of Heroism and Achievement, p. 31.

карьерой и спокойствием, а возможно, и жизнью, чтобы сражаться за тысячи миль от дома. Пацифистские настроения были традиционно сильны среди фермеров сельскохозяйственных провинций, франкоговорящего населения Канады, а также служителей церкви. Среди видных канадских политиков приверженцем идей пацифизма считался лидер либералов У. Лорье. Пропагандисты мира широко цитировали его выражение о том, что Британия вовлекает Канаду в “водоворот европейского милитаризма”, а всех приверженцев милитаризма именовали джингоистами⁴⁴.

Помимо пацифистов в Канаде сложилось еще одно направление общественно-политической мысли, которое условно можно назвать школой национальной обороны. К нему примкнули немногочисленная прослойка интеллигенции и единичные представители военной элиты. Являясь сторонниками умеренных действий, они занимали промежуточное положение между пацифистами и воинствующими империалистами. Сторонники этого направления открыто осуждали пацифизм, демонстрируя в то же время полное пренебрежение милитаризму. Они верили в адекватную канадскую оборону и мощь британского флота как гарантию “прочного мира”, считая, что главная обязанность Канады в предстоящей войне должна ограничиться защитой собственной территории. Таким образом, они выступали за развитие национальной системы обороны, в том числе за создание армии и флота, способных без помощи Королевского флота и британских отрядов обеспечить безопасность своего отечества.

Еще одним направлением общественной мысли в Канаде была так называемая школа имперской обороны, которую возглавлял С. Хьюз. Сторонники этого направления являлись приверженцами теории коллективной имперской обороны в чистом виде. К ним примыкали высокопоставленные военные чины, в свое время неоднократно участвовавшие в локальных имперских конфликтах. Приверженцем этого течения был известный в Канаде экономист и писатель-сатирик С. Ликок. В среде канадских империалистов любимой темой для разговоров был патриотизм канадских миротворцев, добровольно участвовавших в локальных войнах на стороне метрополии. Когда началась война, некоторые представители этой школы говорили о том, что “немецкая армия, состоящая из пяти миллионов обученных, дисциплинированных и хорошо вооруженных солдат, скорее всего, дойдет до Парижа. И если флот потерпит неудачу, Англии помогут Бог и Канада!”⁴⁵.

В целом оптимисты, патриоты и те, кто полагал, что это не канадская война, были уверены в победе британских союзников и в том, что территория их страны находится в полной безопасности.

КВЕБЕК, ФРАНКОКАНАДСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ И ВОЙНА

С началом войны в англоязычной Канаде стал активно обсуждаться вопрос о степени имперской лояльности франкоканадского населения. По традиции там были сильны те, кто считал франкоязычный Квебек и его римско-католическое духовенство пацифистами, не склонными поддерживать Великобританию в ее конфликтах с другими державами. Немаловажную роль в распространении таких суждений сыграла провинциальная пресса Онтарио, известная своими империалистическими взглядами. В первые дни войны в ней появилась информация о том, что Квебек не желает демонстрировать лояльность и намерен отказаться от участия в войне. Ожидалось, что если там и окажутся добровольцы, согласные сражаться в Европе, их будет не более одного процента населения. Империалистические издания подвергли нападкам в первую очередь изоляцию жителей Квебека от остальной Канады, отсутствие имперской лояльности у католического духовенства провинции, антивоенную пропаганду франкоканадских националистов. Однако в реальности все оказалось не таким одно-

⁴⁴ Hopkins J.C. The Canadian Annual Review of Public Affairs, p. 132–133.

⁴⁵ Ibid., p. 135–136.

значным, как представлялось прессой. Естественно, некоторые опасения в ходе войны подтвердились, а некоторые оказались откровенно надуманными.

В первые дни войны Квебек проявил больше патриотического энтузиазма, чем, например, Торонто. 1 августа 1914 г. толпа жителей Монреаля собралась перед редакцией газеты “Ля Патри” и, “вооруженная” французским Триколором и британским Юнион Джеком, распевая “Марсельезу”, организовано направилась к французскому консульству. Так франкоканадцы выразили свою солидарность метрополии и своей первой родине – Франции. Уже в день объявления войны первый контингент французских резервистов, провожаемый огромной толпой народа, отплыл из Монреаля. Тогда же был учрежден комитет помощи семьям военнослужащих сначала в Квебеке, а затем и в Монреале. 17 августа премьер-министр Квебека Л. Гуэн вернулся из поездки по Франции. Два дня спустя после консультации с министрами он предложил Лондону помощь в размере 4 млн фунтов стерлингов⁴⁶.

Франкоканадская пресса с энтузиазмом поддержала военные усилия провинциального правительства. В знак солидарности печатные издания Квебека на верхних полях газетных полос стали публиковать изображение перекрещенных английского и французского флагов⁴⁷. На следующий день после объявления войны “Ля Пресс” предложила сформировать из франкоканадцев отдельный батальон и отправить его во Францию⁴⁸. С 11 августа в газете появилась ежедневная рубрика военных новостей, где отслеживались военные события, происходившие на Европейском континенте, а также информация, касающаяся мобилизации канадского контингента. Провинциальные сельские еженедельники отошли от обычной традиции – публиковать местные новости – и присоединились к общему хору, требуя канадского участия в войне.

Исключением стала националистическая пресса Квебека, которая звучала диссонансом в этом общем хоре имперского энтузиазма. На следующий день после того, как было предложено сформировать и отправить воинское формирование во Францию, в главном печатном органе Националистической лиги Квебека “Девуар” появилась критическая статья. В ней сама идея участия в войнах за пределами страны была названа крамольной, а предложение отправить воинское формирование – противоречащим национальным интересам. В публикации также содержалось саркастическое замечание, предрекавшее скорое упразднение системы добровольного набора ввиду отсутствия добровольцев и введение воинской повинности⁴⁹.

Действительно, замечание, высказанное на страницах националистического издания, было близко к истине. Реальное положение дел в сфере комплектования батальонов добровольцами франкоканадского происхождения не соответствовало той волне патриотизма, которую подняла местная пресса. По статистике в составе первого контингента выходцев из французской Канады оказалось незначительное количество – всего 1245 чел. (или 3,7%)⁵⁰. Пассивность добровольческого набора в Квебеке можно было объяснить рядом объективных и субъективных факторов.

Во-первых, воинское формирование для службы за границей комплектовалось преимущественно из офицеров и рядовых канадской милиции. Поэтому подавляющее большинство добровольцев оказалось выходцами из английских провинций, так как накануне войны в Квебеке был расквартирован лишь один милицейский пехотный батальон. Кроме того, министр милиции и обороны С. Хьюз подписал приказ, согласно которому все команды и распоряжения должны были отдаваться на английском языке. Это привело к тому, что офицеры английского происхождения оказались в привилегированном положении, так как нередко офицеры-французы либо вообще не знали английского языка, либо разговаривали на нем, но очень плохо. При этом франкоканадцы

⁴⁶ *Wade M.* The French-Canadians (1760–1945). New York, 1955, p. 648.

⁴⁷ *Armstrong E.* Op. cit., p. 56.

⁴⁸ *Wade M.* Op. cit., p. 644.

⁴⁹ *Le Devoir*, 6. VIII. 1914.

⁵⁰ *Dyer G., Viljoen T.* The Defence of Canada. In the Arms of the Empire. Toronto, 1990, p. 214.

отличались сильным коллективным сознанием и предпочитали находиться среди “своих” особенно за пределами Квебека. Однако на предложение местных военных сформировать в составе экспедиционной дивизии отдельные франкоканадские батальоны, где бы распоряжения отдавались на французском языке, С. Хьюз ответил отказом⁵¹. Таким образом, первый канадский контингент, формируемый для службы в Европе, получился излишне англоязычным.

Во-вторых, при определении национальной принадлежности вступивших в ряды канадских экспедиционных сил добровольцев власти столкнулись с определенными трудностями. Метод простого подсчета французских фамилий в списках добровольцев не выдерживал никакой критики. Ориентируясь только на происхождение имен, можно было легко ошибиться. Французские священники в своих приходах нередко нарекали детей традиционными английскими именами. Ситуация усугублялась тем, что в Канаде можно было часто встретить жителей с английским именем, но французской фамилией, и наоборот. Таким образом, английские фамилии Браун, Нельсон, Уилсон, Бэйкер, Харвуд, Фрэйзер, Скотт, Миллер могли носить канадцы как английского, так и французского происхождения. К слову сказать, среди жителей нередко можно было встретить персон, носивших традиционно немецкие имена. Так, в доминионе проживало, по меньшей мере, два известных политика с фамилией Мартин. Один из них был канадцем шотландского происхождения и занимал пост премьер-министра провинции Саскачеван, другой – канадцем французского происхождения и занимал кресло мэра Монреалья⁵². Таким образом, при проведении статистических расчетов франкоканадцы, носящие традиционно английские или немецкие имена, попадали в списки лиц, имеющих соответствующее происхождение, что еще более усугубляло картину военной активности Квебека.

Не стоит забывать, что в провинции Квебек проживало преимущественно сельское население. Квебекские крестьяне традиционно обладали консервативным мышлением и в большинстве своем разделяли пацифистские взгляды, столетиями прививаемые местным приходским духовенством. По сравнению с жителями английской Канады они рано вступали в брак и предпочитали спокойный земледельческий труд службе в армии.

Особую роль в подавлении имперского энтузиазма в Квебеке сыграла националистическая пропаганда. Главным проводником националистических взглядов в доминионе была газета “Девуар”, издававшаяся “отцом канадского национализма” А. Бурасса, чьи политические убеждения были особенно популярны среди жителей сельскохозяйственных областей провинции, а также франкоканадского духовенства. Трактовка национализма Бурасса отличалась от традиционной тем, что он исходил не из идеи национального превосходства и противопоставления своей нации другим, а из идеи национальной замкнутости. Он считал, что Канада должна развивать свой национальный статус в пределах имперского сообщества и не участвовать в имперских конфликтах, прямо не затрагивающих ее интересов. Его критическое мышление возражало против выражения искреннего энтузиазма, которым была охвачена Канада в первые дни войны. В своих выступлениях и статьях он подверг сомнению теорию, согласно которой всю вину за разжигание войны возлагали на кайзера, считая, что все государства в одинаковой мере несут ответственность за эти события.

В начале сентября 1914 г. А. Бурасса высказал мысль о том, что у Канады как британской колонии нет причин участвовать в войне и, в свою очередь, имелись веские основания объявить нейтралитет. Взяв за основу британскую “Белую книгу”, он провел исследование причин войны и опубликовал его в выпусках “Девуар” с 9 по 14 сентября 1914 г. Размышления Бурасса заинтересовали не только тех, кто традиционно разделял его убеждения, но и его политических оппонентов. Данный обзор перепечатали многие известные и малоизвестные издания как в Квебеке, так и за его

⁵¹ *Wade M. Op. cit.*, p. 648 – 650.

⁵² *Moore W.H. The Cash! A Study in Nationalities.* London, 1918, p. 272.

пределами, а в начале 1915 г. он вышел отдельной брошюрой на английском языке под названием “Внешняя политика Великобритании”. Под пером Бурасса краткий обзор превратился в глубокий анализ международной ситуации, сложившейся накануне “Великой войны”. Результатом его изысканий стало стойкое убеждение, что министр иностранных дел Великобритании Э. Грэй был глубоко предан британским традициям и являлся истинным слугой своей страны. Он поддержал Францию и Бельгию только тогда, когда этого потребовали интересы Великобритании. Критикуя все попытки государственных деятелей убедить канадцев в том, что на них возложены двойные обязательства (перед империей и перед своей собственной страной), Бурасса убеждал их брать пример с британских политиков. Он призвал поддержать Великобританию в грядущей войне только в том случае, если это не будет противоречить канадским интересам и если это потребуется для защиты территории доминиона от прямой военной угрозы⁵³.

В английской Канаде такие аргументы расценили как открытое проявление сепаратизма, обвинив автора в том, что он позорит страну не только перед империей, но и другими автономными владениями британской короны. Предвидя такую реакцию со стороны общественности, Бурасса в английском издании работы поместил статью известного канадского деятеля Дж. Эварта, перепечатанную им из “Оттава Ситизен”. В качестве главных причин войны Эварт называл национальный и расовый антагонизм и деление большинства европейских стран на два противоборствующих блока⁵⁴. Фактически в понимании франкоязычных националистов врагом в предстоящей войне выступала не Германия, а политика усиления военной мощи и наращивания вооружений, именуемая милитаризмом.

Несмотря на то, что точка зрения Дж. Эварта по некоторым пунктам совпадала с суждениями “отца канадского национализма”, пресса англоязычных провинций называла А. Бурасса “немцем”, “предателем” и “изменником”. Некоторые франко-канадские издания поддержали политику федеральных властей и обвинили Бурасса в государственной измене. Часть из них считала, что лидер националистов своими экстремистскими высказываниями принес франкоканадцам больше вреда, чем пользы. Другие полагали, что его ненависть к Великобритании носит наследственный характер⁵⁵. Даже представители квебекского духовенства, традиционно разделявшие взгляды редактора “Девуар”, на этот раз оказались в стане его идейных противников. Опровергая аргументы А. Бурасса, официальные представители римско-католической церкви заявили о единодушной поддержке федерального правительства и его политики в предстоящей войне. Несмотря на единодушное противодействие, Бурасса не изменил свою точку зрения, считая, что не следует отказывать в помощи Англии и Франции. Только эта помощь, считал он, должна быть предоставлена на определенных условиях и в ограниченном масштабе. В конце сентября 1914 г. после отправки первого канадского контингента в Европу он убеждал своих слушателей в том, что исходя из численности населения и уровня национального благосостояния, Канада уже сделала для войны больше, чем Великобритания⁵⁶.

А. Бурасса также волновал конституционный аспект участия Канады в войне. Согласно Акту “О Британской Северной Америке” 1867 г. метрополия должна была осуществлять контроль над внешней политикой империи и обеспечивать оборону всех своих владений. В свою очередь автономные и зависимые территории британской короны должны были по возможности сами себя защищать, а также снабжать метрополию продовольствием и другими материальными ресурсами. Таким образом, в мирное время местное население должно было осваивать обширную канадскую территорию,

⁵³ Bourassa H. The Foreign Policy of Great Britain. Montreal, 1915.

⁵⁴ Wade M. Op. cit., p. 652.

⁵⁵ Анри Жозеф Наполеон Бурасса был внуком главы франкоканадской “Партии патриотов” и лидера национально-освободительной революции 1837–1838 гг. Луи Жозефа Папино.

⁵⁶ Wade M. Op. cit., p. 652–654.

а в годы войны обеспечивать ее безопасность. Между тем в канадском парламенте и за его пределами не раз утверждалось, что доминион как составная часть британской империи связан обязательством – участвовать во всех войнах, которые вела Великобритания.

Редактор “Девуар” полагал, что такая доктрина противоречит канадским традициям и базовым конституционным принципам. Согласно его убеждениям, североамериканский доминион не имел ни конституционных, ни моральных обязательств перед метрополией в предстоящей войне, так как Великобритания вступила в нее по собственному желанию, не обсудив этот вопрос со своими автономными владениями. Кроме того, Канада до сих пор не имела права голоса в имперских органах, где решались вопросы войны и мира, контроля над военными и морскими силами империи. Лидер квебекских националистов считал, что метрополия должна обеспечивать безопасность доминиона, а не наоборот. Он полагал, что если парламент принял решение об активном участии доминиона в войне, то правительство должно минимизировать неблагоприятное влияние войны на социальную и экономическую жизнь страны⁵⁷.

* * *

Подводя итог, можно сказать, что североамериканский доминион нелегко было вовлечь в “водоворот европейского милитаризма”: две тысячи миль океана были лучшей защитой. В деле обеспечения собственной безопасности он полагался на доктрину Монро и мощь британского флота, не обременяя себя содержанием военных кораблей, армии и дипломатического корпуса. Решение о вступлении в войну изменило ситуацию. За первые полтора месяца войны Канада прошла путь, который в мирное время мог занять не одно десятилетие. Решение об отправке воинского контингента в Европу положило начало процессу превращения североамериканского доминиона в военную державу, ознаменовало начало нового этапа в развитии государственности и открыло новую главу в истории страны.

⁵⁷ Bourassa H. Duty of Canada at the Present Hour. An Address Meant to Be Delivered at Ottawa, in November and December, 1914. Montreal, 1914. p. 38–39.